

Господи, не дай мне уснуть. Господи, там в моем саду что-то ужасное, и мне бы уберечь от этого своих ягнят. Господи, не дай мне уснуть.

«Ночь охотника»

ПРОЛОГ

Техас, 1980 год

Он сидел с черной соломенной шляпой на коленях в тесной и безмолвной темноте спальни. На кровати в голубом свете ночи лежала женщина. Обнаженная, хрупкая, бледная и миловидная. Взгляд ее широко раскрытых глаз, красных от лопнувших капилляров, был сосредоточен на потолке, где давно выщвело пятно от дождевой воды. Кожа у нее под челюстью побагровела. Снаружи пробивался рассеянный свет, а ветер царапал листьями юкки по металлическому корпусу трейлера. Он поднялся со стула, поднял плюшевого медведя с единственным блестящим глазом, которого прежде отставил в сторону. Где-то в глухой тишине Эльконы раздавалось тиканье часов. Он посадил медведя обратно в кресло, надел шляпу и оставил женщину в ее трейлере, припаркованном в сладко пахнущей можжевельной роще.

Он проехал из Фредериксберга на пикапе с кемпером триста миль без остановок. Солнце поднималось над пологими холмами и густыми рощами узловатых дубов, окутанных туманом. Пикап свернул на узкую асфальтированную дорогу на Рокспрингс, а затем на юг, пока не добрался до обширного зеленого водоема, за которым лежала Мексика. Отсюда он снова устремился на север, пронизывая простор пикапом, точно жалом. Он ехал наобум, не стремясь

к конкретному пункту назначения. Дель-Рио, Комсток, Лангтри — к западу от реки Пекос, где шоссе выходило на необъятное, поросшее кустарником поле, простиралась подлинная пустыня. Сухие овраги змеились здесь, соединенные мостами, а внутри тлели на солнце звериные кости. Он ехал почти на предельной скорости, а когда мимо пронеслись большие фуры, держался обочины. По радио заливался Эрнест Табб¹.

Когда наступили сумерки, он заехал на заправку в заброшенном городе, где только ветер непрестанно стучал по металлу. Он стоял у насосов и курил, пока мальчишка в комбинезоне наполнял бак его пикапа. Солнце тускнело, отливая оранжевыми и розовыми оттенками, и он вытер выступившие на ветру слезы. Мальчишка был метисом, поджарым и мускулистым. При ходьбе хромал, хмурил лицо и общался без намека на хоть какую-то приветливость.

— Пропано? — спросил он мальчишку. — Para mi caravana².

Мальчик покачал головой и сплюнул по ветру.

— Próxima ciudad³. Возможно.

Он дал мальчику три доллара, раздавил окурок ботинком и поехал дальше в сгущающуюся темноту.

В следующий раз он остановился ночью в придорожном баре к западу от города под названием Сьело-Рохо. Вывеска заведения, «Калхунс», светила над крыльцом красным неонам, и в этом состояла единственная вычурность сего места, в остальном состоящего из шлакоблоков и жести, с облупившейся белой краской поверх выцветшей голубой. Выглядело оно довольно уныло, будто цеплялось

¹ Эрнест Табб (1914–1984) — американский певец в стиле кантри. — *Здесь и далее — прим. пер.*

² Пропан? Для моего трейлера (*исп.*).

³ В следующем городе (*исп.*).

за жизнь на этой опушке сухой мескитовой рощицы. Через дорогу от бара из одного конца ночи в другой тянулось множество железнодорожных путей.

Он припарковал пикап в луже света от дуговой натриевой лампы.

Мимо пронесся поезд — а он стоял и наблюдал, наслаждаясь его размеренным ритмом. Будто нож, этот поезд проделывал дыры в этой одинокой ночи.

Он вошел в бар выпить пива и обнаружил у задней стены, рядом с туалетами, подключенный музыкальный автомат «Вурлитцер», где рядом у переключателя была приклеена скотчем записка:

Рабочий. Выпуск 1963. Адм.

Хром уже облезал, в коробке зияла трещина.

Он огляделся вокруг.

Единственный, не считая его самого, посетитель сидел в углу. Это была старая abuela¹ с сухим каменным лицом. На ней — тонкая шелковая блузка с бантом у горла. Она потянулась дрожащей рукой к стоящему перед ней стакану виски. Барменом был крупный белый мужчина с посеребренными волосами, он скучал за стойкой, разгадывая кроссворд погрызенным карандашом.

Здесь было прохладно, тускло и приятно.

Он заказал «Пёрл»² за последние два доллара и бросил четвертак в «Вурлитцер». Набрал номер песни и уютно устроился в зале, прислонив стул к стене и положив ноги на стол. Опустил шляпу на лицо и растворился в наступившей темноте и умиротворении после долгой дороги.

Мужчина в коробке запел.

Музыка нарастала и затихала.

¹ Бабуля (*исп.*).

² Здесь: пиво производства одноименной техасской компании.

В темноте послышался запах лимона и ванили, возник изгиб белой икры под бледным хлопчатобумажным платьем, ее фигура — песочные часы. Казалось, само время ускользало прочь. Она перед панорамным окном, откуда открывался вид на мимозу, роняющую розовые лепестки на траву. Ее улыбка, медленно расплывающаяся ниже кобальтово-голубых глаз. Вода, застилающая окно и отбрасывающая тень на стену, точно воспоминание. Ее маленький красный проигрыватель под окном выцарапывает свою песню, а он, еще мальчишка, танцует с ней под крутящуюся пластинку, стоя босиком у нее на ступнях, она держит его за руки.

Их личная мелодия грустно разливается в его сердце.

Песня закончилась спустя три минуты.

Когда наступила тишина, у него в голове раздался голос.

Женский, мягкий и чистый. Она произнесла его имя.

«Тревис».

Он услышал, как звякнул четвертак, и открыл глаза, вернул шляпу на макушку и увидел женщину — но не ту, которую представлял. Ни одна не была той, но все подвергались сравнению с мечтой, с воспоминанием, и пока все оставляли желать лучшего. Эта стояла перед «Вурлитцером» в белом летнем платье в красный цветочек. Кожа у нее была белая, как кость, а волосы — рыжими, как благословение небес. Она нажала на кнопку выбора песни, обернулась и посмотрела на него большими зелеными глазами — и он увидел, что это была скорее девочка, чем женщина, лет семнадцати-восемнадцати. Но по осанке, по тому, как она, стоя перед автоматом, выглядела каким-то образом отрешенной от всего остального мира, она казалась много старше.

— Мне нравится эта песня, — сказала она голосом, который звучал у него в голове.

Мужчина снова запел из коробки ту же грустную трель.

Тревис убрал ноги со стола и опустил свой стул на все четыре ножки.

Она зажала подол платья между пальцами и начала раскачиваться. Затем закрыла глаза и запрокинула голову, обнажив длинную белую шею. Старая песня пронизывает ее, подумал Тревис, медленно, будто раскаленный провод. Он заметил у нее белый шрам, тонкий как лезвие, в том месте, где шея соединялась с плечом. На ней висел золотой медальон с овальной застежкой, из тех, в которые вставляются фото. Он сверкал в скудном свете бара. Темно-красные цветы на ее платье ниспадали с талии, будто...

*красная, на рубашке старика, красная, на сиденье
...кровь.*

Ее губы, легчайшего розового оттенка, шевелились, произнося слова песни, но никаких звуков она не издавала.

Какая у нее бледная кожа.

Его сердце забило быстрее.

Она, покачиваясь, двинулась к нему. Ее красные кожаные ковбойки скребли по бетону.

Он скользнул правой рукой к пряжке кожаного ремня, провел большим пальцем по орлу — сначала по расправленным крыльям, потом по острым кри-вым когтям.

«Тревис».

Она распростила руки, будто изображая распутившийся цветок, и скользнула ему на колено. Она устроилась на нем и дотронулась кончиками пальцев до его щеки прежде, чем он успел понять, что происходит, а почувствовав ее прикосновение — вздрогнул от холода ее пальцев.

Он потянулся рукой к ножу, который носил на бедре. Тот был боевой, в кожаных ножнах и с грубой рукоятью из железного дерева в форме орлиной головы, вырезанной под стать пряжке.